

Ар. Гарибян

**По поводу письма П. Назаряна
в редакцию журнала „Октябрь“
„О лексических заимствованиях и чистоте языка“**

Советский строй создал все условия для бурного расцвета национальных культур всех народов Советского Союза.

В связи с развитием национальной культуры бурному развитию подверглись также национальные языки народов СССР. Старописьменные языки получили возможность выявить все свои потенциальные силы, развиваться и подняться на ступень передовых языков мира. Бесписьменные языки получили возможность иметь национальную письменность и превратиться в национальный литературный язык, достойный советской эпохи.

В процессе этого бурного движения вперед, без сомнения, возникали и трудности как в отношении уточнения грамматических норм и форм, так и в отношении словарного состава.

Развитие словарного состава происходило и происходит не одинаково у всех национальных языков. Бесписьменные и младописьменные языки, не имея богатого наследия литературного языка, вынуждены использовать в очень большой мере словарный состав народного языка, который очень недостаточен для удовлетворения нужд в словах и терминах на уровне современных потребностей. Поэтому, наряду с этим, они в большом количестве производят заимствование слов из русского языка или из иностранных языков через русский язык.

Старописьменные языки используют богатое наследие своего письменного языка, менее часто прибегая к помощи народного языка, так как в процессе истории развития литературного языка ими использован почти весь нужный запас словарного состава общенародного языка. Они путем своих словообразовательных возможностей используют имеющуюся в их распоряжении богатую лексику прошлого и создают слова и термины для передачи тех понятий, которые возникают в нашу эпоху.

Однако этого бывает далеко не достаточно, и им, как и каждому современному передовому языку, приходится делать заимствования. Эти заимствования делаются обычно из русского языка, имеющего богатый запас словарного состава и, обычно, включающего в свой словарный состав много заимствованных слов и терминов не только из иностранных языков, но и из языков народов Советского Союза.

Однако всякий литературный язык при использовании как старого наследия, так и современных заимствований исходит из одного принципа: быть более всего доходчивым, понятным и доступным народным массам.

Обильное использование омертвевших корней языка может нанести

вред ему, может сделать его непонятным народу. Такой же вред нанесет и обильное, огульное заимствование. Поэтому едва ли сейчас в рядах теоретических и практических работников языкостроительства народов Советского Союза найдется кто-либо, более или менее понимающий в вопросах языка, который не придерживался бы этих разумных правил.

Практика художественной и общественно-политической литературы народов Советского Союза давно уже определила пути развития лексики национальных литературных языков. И только запоздалые и отсталые «языкотворцы» занимаются такими вопросами, которые вызывали споры в первый период существования советского строя.

Одним из таких «языкотворцев» является автор письма в редакцию журнала «Октябрь» «О лексических заимствованиях и чистоте языка»¹.

Автор этого письма П. Назарян, начиная с 1948 г., досаждал научно-исследовательские институты (Академии наук Армянской ССР и Академии наук СССР), а также редакции многих журналов и газет («Советская Армения», «Известия Академии наук Армянской ССР», «Вопросы языкознания» и т. д.), добиваясь печатания своей статьи, якобы разоблачающей пуристическую линию, существующую в ряде республик, в том числе и в Армянской ССР.

Наконец, в 1956 г. он нашел возможность напечатать эту свою статью в виде письма в редакцию журнала «Октябрь».

Автор письма обвиняет деятелей языковой культуры армянского, азербайджанского и некоторых других народов Средней Азии в тяжком преступлении, а именно, в «пуризме» в отношении обогащения словарного состава литературных языков этих народов. По его мнению, деятели литературного языка армянского, азербайджанского и ряда народов Средней Азии стремятся якобы держать свой язык в «чистоте» и не делают заимствований из русского языка.

По утверждению автора, не в пример этим языковедам, очень правильно поступают грузинские языковеды, потому что «в языке векового соседа армянского, азербайджанского народа — грузинского народа — много иноязычных слов»..., потому что «в Грузии нет стремления переводить общепринятые слова и термины русского и иностранного происхождения», — объясняет П. Назарян.

Чтобы разоблачить неблагоприятный замысел автора письма, нам не придется идти далеко за фактами; стоит только привести нижеследующее сравнение:

Русское оформление слова	Армянское оформление слова	Грузинское оформление слова
футбол	футбол	пехбурти
волейбол	волейбол	хелбурти
Совет	Совет	Сабч'о

Общеизвестно, что грузинский литературный язык употребляет также национальные соответствия таких слов, как архитектор, гимнастика,

¹ «Октябрь», № 10, 1956 г.

документ, премия, касса, аналогия и проч., многие из которых в грузинском языке существуют с незапамятных времен.

Как может видеть читатель, автор письма явно клеветает на грузинских товарищей, утверждая, что они не делают переводов слов и терминов на грузинский язык с русского, т. е. не используют богатство словарного состава грузинского языка, накопленного грузинским народом в течение многих сотен и тысяч лет.

Этот факт уже говорит о познаниях автора в языках, о которых он заводит речь, и о его добросовестности.

Что касается языковой политики и обвинений в этой области по адресу азербайджанских товарищей и лингвистов народов братских республик Средней Азии, мы ничего сказать не хотим, оставляя право за ними высказать свое мнение. Мы хотим заняться вопросом армянского языка, затронутым автором письма. По утверждению автора, армянские лингвисты одержимы болезнью держать свой национальный язык в чистоте от влияния русского языка и поэтому переводят такие термины, как архитектор, катастрофа, кафедра, политика, премия, проспект, парта, брюки, гимнастика, логика, алгебра, документ, касса и т. д.

При этом через одну страницу он же утверждает: «Ведь слова, как правило, заимствуются только в тех случаях, когда в данном языке отсутствуют равнозначные им».

Это он говорит не краснея, ибо скрывает от советской общественности, что армянские соответствия слов: архитектор, катастрофа, парта, кафедра, брюки, проспект, политика и др. существуют в обиходе армянского литературного языка начиная с V в. нашей эры, т. е. со времен возникновения армянской письменности, т. е. во времена, когда европейские народы не думали изобретать эти слова и использовать их в литературе. Ведь этих народов тогда еще не было, и русский народ не думал заимствовать у них эти слова.

Каким же образом армянские лингвисты, продолжая традиционно употреблять свои исконные национальные термины и слова, оказались пуристами в глазах П. Назаряна?

Чтобы не быть голословным, приведем два примера из армянских авторов V в. нашей эры:

Մրցանակ յաղթութեան («Премия победы» — Агафангелос); *Իբրև իմաստուն ճարտարապետ հիմն էր* («Как мудрый архитектор заложил фундамент» — Корюн).

Такой термин, как армянское соответствие слова логика (трамаба-нутюн), существует с VII в. н. э., так как тогда возникла у армян логика, как наука, так же, как математика, биология, грамматика, имеющие в армянском языке национальные термины с того времени.

Ясно, что армянские лингвисты не могли бы стать пуристами в отношении употребления этих терминов, если бы даже захотели.

Автор письма обвиняет армянских лингвистов в том, что они переводят такие русские термины, как гимнастика, документ, касса, алгебра, цензура, комиссия, паспорт, гуммиарабик и пр. Но армянские соответ-

вия всех этих терминов были в употреблении, и очень часто, в армянском литературном языке за много десятков лет до рождения этих языковедов и даже до появления на свет самого автора письма.

Но автор письма П. Назарян продолжает обвинять. Он утверждает, что в армянском языке переводят такие слова, как эстетика, антагонизм, экспроприация. В действительности же никто их не переводит, и они употребляются в русском оформлении. Без перевода употребляются также и такие слова, как адмирал, оппонент, идеология, монополия, феодализм, ассистент и т. д.

Правда, одновременно с этими словами в литературном языке бытуют и их армянские соответствия, созданные еще до социалистической революции, поэтому у нас каждый волен употреблять тот или другой термин. Если за это нужно кого-либо осуждать, то первым долгом надо это сделать в отношении автора письма, потому что он свое письмо озаглавил «О лексических заимствованиях...», а во всем письме употребляет «словарные заимствования», т. е. и иностранный и русский термины.

Таким образом, автор письма порочит без основания языковедов Армении и ряда братских народов, не имея на это никакого основания, опираясь на собственные домыслы.

Но он делает кое-что еще больше, когда утверждает: «Надо подчеркнуть, что суть словарных заимствований (почему не «лексических заимствованиях», как в заглавии? — А. Г.), на нынешнем этапе, в эпоху бурного развития науки, техники и индустрии сводится по существу к вопросу о терминологии, о применении терминов, о том, следует или не следует их переводить».

Эти утверждения, такие же путанные, как и все другие, грешат рядом ошибочных теоретических положений и ложных понятий. И вот почему:

1. Если вопрос сводится к терминам, то почему поносить армянский литературный язык, как это делает автор письма, за то, что он употребляет национальные соответствия таких слов (но не терминов), как брюки, парта, картон, газета, документ, касса, консервы и т. д.?

Ясно, что автор не представляет себе, что такое термин.

2. Вопрос о том, следует или не следует переводить термины, упирается в вопрос о том, должны ли иметь национальные языки народов Советского Союза национальную, научную и техническую терминологию или должны употреблять так называемую «интернациональную терминологию»? Постановка этого вопроса П. Назаряном острым концом направлена первым долгом против русского языка, как национального. Должен ли русский язык создать свою национальную терминологию или он должен перенять «интернациональную терминологию»? По нашему мнению, интернациональной терминологии, как таковой, не существует. Существует интернациональный фонд терминов, который используется каждым народом, в том числе и русским народом, по своему усмотрению для создания своей национальной терминологии.

Доказательством этому служит практика русского языка.

Русский язык создал свою национальную терминологию двумя пу-

тиями, путем заимствования терминов из международного фонда терминологии и путем создания их собственными средствами. Так, например, рядом с заимствованными терминами медицина, геометрия, грамматика, теорема и пр. в русском языке существуют термины собственного образования, как, например, естествознание, предложение, языкознание, подлежащее, сказуемое, учение, треугольник, прямоугольник, уравнения, корень и сотни других. Поэтому терминология русского языка состоит частью из терминов, принятых во многих языках мира, и частью из терминов, созданных собственными средствами.

Если такова действительность русского языка, то почему должно быть иначе у других национальных языков Советского Союза?

Русский язык в Советском Союзе в отношении терминологии не только не претендует на особое положение, но и оказывает огромную помощь всем национальным языкам народов СССР для создания собственной национальной терминологии, составленной из большого количества заимствований у русского языка и терминов, созданных собственными средствами по примеру и подобию русского языка.

Возьмем к примеру армянский язык.

Если брать в расчет заимствованные термины по узким специальностям, то в современном армянском языке существует более 40 тысяч заимствованных терминов. Одних только медицинских терминов будет не менее 10 тысяч, технических и биологических терминов — не менее 15 тысяч и т. д.

В общем употреблении современного армянского языка находится огромное количество заимствованных терминов, имеющих хождение в общественно-политической и художественной литературе. В распоряжении Института языка Академии наук Армянской ССР имеется словарь иностранных слов, включающий более 10 тысяч слов и терминов, бытующих в обыденной литературной речи.

Естественно, что национальная терминология у армян не ограничивается этим количеством заимствованных слов. К нему надо добавить почти столько же терминов, созданных средствами армянского языка. Все это является блестящей иллюстрацией бурного развития армянского языка.

Однако письмо П. Назаряна отрицательный факт не только на фоне бурной языковой деятельности армянского народа. То же самое можно было наблюдать в 30-х годах XX в. и в отношении языковой деятельности самого русского народа. Как говорится в «Письме в редакцию» «Вопросов языкознания», «делались, например, попытки навязать работающим в области технической терминологии убеждения о неполноценности русской терминологии... и о преимуществе... так называемых международных терминов»... «только незнанием богатств и творческих возможностей русского языка и неправильным пониманием задач и путей международной стандартизации терминологии можно объяснить отказ от построения терминологии на базе русского языка»¹.

¹ «Вопросы языкознания», II, 1956, стр. 129.

Все сказанное здесь буквально относится к разбираемому нами письму П. Назаряна.

3. В формулировке П. Назаряна, приведенной выше, утверждается еще, что «суть словарных заимствований на нынешнем этапе сводится, по существу, к вопросу о терминологии...». Это неверно.

При современном интенсивном общении с русским народом и с народами всего Советского Союза каждый советский народ может и должен заимствовать не только термины, но и самые обычные слова, не имеющие соответствия в национальном языке и не поддающиеся переводу.

Так, например, армянский язык заимствовал у русского языка ряд таких слов, как помидор, шоколад, какао, пудра, помада, фургон, фазтон, суп, борщ, булки, сырник, майка, бумага, крепдешин, шевит, кафель, севрюга и т. д.

Это означает, что в процессе развития национальных языков используются все их потенциальные возможности, создаются средствами национальных языков слова и термины — в каком количестве это возможно. Но одновременно все это далеко не достаточно для интенсивного развития словарного состава. Вторым источником сил и энергии развития национальных языков являются словарные заимствования из русского языка и через русский язык из иностранных языков.

Как в первом случае, так и в этом армянский язык прошел все испытания. Он отвергает неудачные переводы и употребляет заимствованные термины и слова, если они доступны народу, он отвергает заимствованные термины и употребляет свои исконно существующие или удачно переведенные, если они являются доходчивыми и понятными народу. Так, например, армянский язык употребляет термины профессор, доктор, факультет, дисциплина, факультативный, заимствованные через русский язык, но он употребляет армянское соответствие термина университет, бытующий в армянском языке с XI в., т. е. со времени основания университета в Армении, а также армянские соответствия терминов кафедра, кандидат, преподаватель, существующие в его обиходе давным-давно.

История армянского языка свидетельствует о том, что заимствование слов как в настоящем, так и в прошлом происходило в широком масштабе. Одних только пехлевийских и персидских заимствований — около полутора тысяч корней, греческих — около 800 корней, арабских — не менее 700 корней и т. д. На основе этих корней созданы десятки тысяч производных слов, составляющих вместе с исконными армянскими словами огромное богатство словарного состава армянского языка. Все это дает возможность армянокому языку довести до народа любые мысли, любые идеи, выраженные в книгах, в трудах на армянском языке или переведенных на армянский язык.

Как мы видим, никаких искажений в языковой политике армянского народа не существует, они только плод вымысла П. Назаряна.

Делая попытку подвести под свою ложь теоретическую базу, он пытается исказить ленинские установки и ленинскую практику языкового строительства.

Самовольно толкуя ленинские мысли, высказанные в заметке «Об очистке русского языка», он всячески изворачивается и, чтобы спасти свое положение, утверждает: «В самом деле, указанные три синонима (взамен слова «дефект» русские соответствия: недочеты, недостатки, пробелы — А. Г.) — это исконные русские слова, существующие в языке с незапамятных времен и зачем их заменять другими».

Против этого фарисейского восклицания П. Назаряна можно было бы ему задать вопрос: а почему он, Назарян, требует, чтобы «исконно существующие армянские слова», как, например, армянские соответствия слов **архитектор, катастрофа, кафедра** и многие сотни других были заменены заимствованными словами?

Далее.

Приведя в пример практику В. И. Ленина при переводе немецкого слова *Arbeitsrente* на русский язык с помощью слова «обработки», П. Назарян не замечает, что противоречит собственным установкам. Ведь армянские и другие деятели языка в этих же случаях поступают так же, т. е. по-ленински. Так зачем же тогда их оболгать?

Пытаясь использовать ленинские положения в своих нечистых целях, он указывает, что «Ленин придавал огромное значение их (слов — А. Г.) смысловой стороне и не только объяснял в скобках кажущиеся непонятными... слова иноязычного происхождения (хотя такие слова в популярных трудах Ленин употреблял очень редко), но и заключал в скобки те иноязычные слова, русские соответствия которых полностью не могли выразить их смысл».

Выходит, что Ленин, чтобы быть понятным народу, избегает употребления заимствованных слов и даже редко употребляет их. Но это как раз и говорит не в пользу автора письма, а прямо разоблачает его.

Как видим, у автора письма ничего не получается в области теории, так как и здесь он орудует нечистыми руками.

Поэтому, чтобы доказать недоказуемое, он прибегает к голословным обвинениям. Возводя собственные сплетни об армянском литературном языке в степень якобы существующей в Советской Армении государственной и национальной политики, он стремится оболгать языковое строительство Армянской ССР.

П. Назарян взял на себя смелость оболгать и наших крупных деятелей недалекого прошлого. Прикрываясь дорогами сердцу каждого армянина именами писателей Х. Абовяна, М. Налбандяна, Г. Агаяна, В. Теряна, Ширванзаде и выдающихся лингвистов С. Малхасянца, Р. Ачаряна, он утверждает, что они, де, были сторонниками огульного заимствования иноязычных слов. Это заявление также голословно, так как в четырехтомном толковом словаре армянского языка С. Малхасянца, вышедшего в 1944—1945 гг., П. Назарян не может показать и десятой доли тех иноязычных слов и терминов, за которые он ратует в своем письме. Он найдет лишь два слова из им же упомянутых, и то... с отсылкой к армянскому эквиваленту.

Таковы приемы П. Назаряна.

Но не может не вызвать возмущения и заявление П. Назаряна о том, что в первом томе русско-армянского словаря Академии наук Армянской ССР якобы отражено стремление переводить все слова.

Чтобы поймать П. Назаряна с поличным, стоит только открыть этот словарь и прочесть, к примеру, хотя бы словарные статьи на букву «А». Их всего около 2000, из коих только 800 слов имеют армянские переводы. В остальных словарных статьях рядом с армянскими использованы заимствованные слова, такие, как агрегат, агент, агитация, агитатор, агробиология, агностицизм, агромелиорация, адмирал, абсервация, абзац, абонет, абонемент, абсолют, абстракция и т. д.— всего 800 слов. 400 слов совершенно не имеют армянского перевода.

О каком же пуризме болтает автор письма?

Нам кажется уместным вспомнить ленинское предупреждение, высказанное по поводу отношения к грузинам со стороны грузинских большевистских деятелей в 1922 г.: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и прубым великорусским держимордой), тот грузин в сущности нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями»¹.

Нам бы хотелось знать, поняла ли редакция журнала «Октябрь», кому и для чего предоставила страницы своего журнала? Ведь не для того, чтобы он размахнулся над вековой культурой языка труженика-народа и оболгал интенсивную, всецело солидарную с установками братского русского народа языковую деятельность целой республики?

¹ В. И. Ленин, К вопросу о национальностях или об автономизации, Госполитиздат, 1956.